

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-4-465-476

EDN: MGTBNS

Научная статья / Research article

Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть II

Б.Д. Нуриев

Государственный университет управления, Москва, Россия

nurievbd@mail.ru

Аннотация. Исследованы особенности применения искусственного интеллекта (ИИ) в сфере государственного управления на примере Российской Федерации и Европейского союза. Несмотря на схожесть вызовов цифровой трансформации и синхронное начало нормотворческой деятельности, выявлены значимые расхождения в подходах. Рассмотрен опыт Европейского союза в деле регулирования применения ИИ. Методологической основой выступает сравнительный анализ ключевых нормативно-правовых актов Российской Федерации и ЕС. Автор приходит к выводу, что различия детерминированы фундаментальными факторами: неидентичным пониманием сущности сквозных технологий публичной властью, различиями правовых традиций, а также доминированием разных ценностных ориентаций — приоритета негативных свобод в ЕС и безопасности государства в РФ. Предложено учитывать мировой опыт в законотворческом процессе, несмотря на расхождение в национальных акцентах в формирующемся глобальном цифровом праве. Особенностью проведенного исследования можно обозначить тот факт, что в работе дан подробный анализ положений основных документов, которые регламентируют использование ИИ в обеих правовых системах. При этом констатируется отсутствие в каждой юрисдикции ключевого нормативно-правового акта, регулирующего применение ИИ в сфере государственного управления.

Ключевые слова: цифровые технологии, законодательство Российской Федерации, законодательство Европейского союза, нормативно-правовой акт, национальная безопасность, права и свободы граждан

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 30.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Первая часть статьи опубликована в предшествующем выпуске журнала (Нуриев Б.Д. Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 404–416. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-404-416> EDN: BJZDNT)

© Нуриев Б.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Нурьев Б.Д. Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 4. С. 465–476. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-4-465-476> EDN: MGTBNS

Artificial intelligence in the public administration system of Russia and the European Union: comparative legal analysis. Part II

Bulat D. Nuriev

State University of Management, Moscow, Russian Federation
✉ nurievbd@mail.ru

Abstract. This study presents a comparative analysis of the legal frameworks governing the use of artificial intelligence (AI) in public administration within the Russian Federation and the European Union. The study examines the experience of the European Union in regulating the use of AI. Through an examination of key legislative acts from both jurisdictions, the study reveals that despite the concurrent and independent development of their regulatory approaches, significant differences exist. These divergences stem from fundamental priorities: the EU's emphasis on protecting negative civil liberties contrasts with Russia's focus on state security. The analysis also identifies a common regulatory gap — the absence of a dedicated legal act specifically for AI in public administration. A special feature of the conducted research is the detailed analysis of the provisions of the main documents that regulate the use of AI in both legal systems. The author concludes by advocating for the mutual consideration of international best practices in the ongoing formation of global digital law.

Keywords: digital technologies, legislation of the Russian Federation, legislation of the European Union, regulatory legal act, national security, rights and freedoms of citizens

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 30.03.2025. The article was accepted on 30.08.2025.

For citation:

Nuriev BD. Artificial intelligence in the public administration system of Russia and the European Union: comparative legal analysis. Part II. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(4):465–476. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-4-465-476> EDN: MGTBNS

The first part of the article was published in the previous issue of the journal (Nuriev BD. Artificial intelligence in the public administration system of Russia and the European Union: comparative legal analysis. Part I. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):404–416. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-404-416> EDN: BJZDNT)

Опыт Европейского союза

Европейский Союз (ЕС) — не только сложный сосед и важнейший торговый партнер Российской Федерации в недавнем прошлом, но и серьезный игрок в формирующейся новой реальности. Оформляющееся цифровое право данного межгосударственного объединения задает вектор для дальнейшего

поступательного развития мирового цифрового пространства [1]. Те идеи, которые в европейских странах находят свое практическое воплощение, также реализуются и в других государствах. Безусловно, опыт ЕС в деле регулирования применения искусственного интеллекта не может не представлять интерес для российского исследователя и законодателя.

Принято считать, что правовые системы стран ЕС в подавляющем большинстве включены в так называемую континентальную правовую сеть, что подтверждает важность анализа такого источника права, как нормативно-правовой акт. Напомним, что в ЕС законодательная инициатива принадлежит в большей степени Европейской комиссии. Более того, право ЕС открывает для Еврокомиссии возможности самостоятельно принимать нормативно-правовой акт, ввиду чего правотворческая значимость данного органа публичной власти считается крайне высокой. В целом же, согласно так называемой процедуре совместного принятия решений, акт будет считаться утвержденным при достижении консенсуса между Европарламентом и Советом ЕС. Примечательно, что из всех органов публичной власти ЕС, только в рамках Еврокомиссии ведется целенаправленная работа по подготовке юридически значимых документов в сфере регулирования применения искусственного интеллекта (ИИ). Данное обстоятельство можно объяснить тем, что Еврокомиссия, будучи органом исполнительной власти, более быстро и чутко реагирует на изменения, которые несет с собой в европейское общество процесс цифровизации.

В качестве отправной точки в формировании цифрового права стран ЕС можно обозначить принятие в мае 2006 г. Директивы Европейского парламента и Совета ЕС «О машинах и механизмах» (Machinery Directive), в котором достаточно детально регламентирован вопрос использования технологических инноваций. Однако регулирование использования именно современных цифровых технологий в Европе началось относительно недавно. В данном контексте неким поворотным моментом стало предложение Еврокомиссии о формировании Экспертной комиссии в марте 2018 г., которой предстояло обозначить приоритетные направления для грядущего законотворческого процесса. Считается, что создание Экспертной комиссии было обусловлено не только назревшей необходимости сформировать некие общепринятые правила в условиях стремительно набирающей обороты цифровизации, но и законодательной политикой ЕС в целом. Напомним, что еще в декабре 2017 г. Еврокомиссия, Совет ЕС и Европарламент приняли совместную так называемую «Декларацию законодательных приоритетов» (Joint Declaration on the EU's legislative priorities), в рамках которой процессу нормотворчества в сфере цифровых отношений былоделено особое внимание. Данный документ апеллировал к цифровым инновациям в целом, а ИИ рассматривался в нем наравне с иными новаторскими идеями. Более того, в этом документе были обозначены и иные ключевые направления дальнейшего законотворческого процесса, среди которых можно выделить такие, как

обеспечение безопасности граждан стран ЕС, гарантию их прав и свобод, совершенствование миграционной политики, обеспечение полной занятости и экономического роста, инвестиционную политику стран-членов ЕС.

Что касается самой Экспертной комиссии, то перед ней ставилась цель обозначить те направления «от улучшения здравоохранения до более безопасного транспорта и более устойчивого ведения сельского хозяйства», в рамках которых правовое регулирование применения ИИ реализуется в практической плоскости уже в ближайшей перспективе. При этом Еврокомиссией в качестве некоего ориентира было предложено следование так называемым принципам европейской морали для того, чтобы не подорвать доверие населения ЕС к технологическому прогрессу. Как позднее отметил вице-президент Комиссии по Единому цифровому рынку Андрус Ансип: «Шаг за шагом мы создаем для Европы комфортные условия, чтобы максимально использовать то, что может предложить искусственный интеллект. Большие данные, суперкомпьютеры и смелые инвестиции необходимы для развития искусственного интеллекта, наряду с широким общественным обсуждением в сочетании с соблюдением этических принципов при его внедрении. Как выяснилось, при продвижении новейших технологий, доверие общества является обязательным условием»¹.

В апреле 2018 г. Экспертная комиссия обнародовала документ *Artificial intelligence for Europe* («Искусственный интеллект в Европе», далее — «ИИ в Европе»), который представляет собой достаточно подробный обзор всего комплекса вопросов, имеющих непосредственное отношение к применению не только искусственного интеллекта, но и иных видов сквозных цифровых технологий (СЦТ). Документ состоит из двух больших разделов. Первый раздел посвящен действующему законодательству, второй — описанию наиболее распространенных в странах ЕС цифровых технологий. Добавим также, что «ИИ в Европе» — это не самостоятельный нормативно-правовой акт, его статус обозначен как рабочий и дополняющий документ. Тем не менее, его научная ценность достаточно высока, так в его положениях отражена специфика европейского подхода к вопросу использования ИИ. Более того, ссылки на «ИИ в Европе» содержатся в ряде аналитических и научных работ, изданных за рубежом.

Особенностью «ИИ в Европе» можно назвать четко прослеживаемое апеллирование к защите прав потребителя или пользователя цифровыми технологиями. В документе подчеркивается, что еще в 1985 г. существовавшее тогда Европейское экономическое сообщество утвердило так называемую *Product Liability Directive* («Директиву ответственности за предоставляемую продукцию»), защищающую права потребителя в сфере розничной торговли. Именно в контексте с данной Директивой в рассматриваемом нами

¹ Artificial intelligence: Commission kicks off work on marrying cutting-edge technology and technical standards // European Commission. 09.03.2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_1381 (дата обращения: 29.04.2025).

документе излагаются ключевые положения относительно использования ИИ в современной Европе. Что касается законодательства отдельных стран-членов ЕС, то в данном случае авторами приведен пример Германии как страны-первоходца. Так, весьма успешным видится внедрение норм, регулирующих дорожное движение с применением ИИ. Речь в данном случае идет о Street Traffic Act (Законе дорожного движения), утвержденном в 2017 г.

В «ИИ в Европе» говорится и о тех странах, не входящих в объединение, где также ведется работа по формированию цифрового законодательства. В частности, в нем констатируется, что «сейчас в США многие штаты рассматривают необходимость принятия законодательства об автономных транспортных средствах»², при этом подчеркивается, что эти инициативы существенно разнятся от штата к штату, так как перед региональным законодателем ставятся различные цели. Помимо этого, в США остро стоит проблема борьбы с киберпреступностью и защиты персональных данных. В качестве примера наиболее успешного государства приводится Япония, где Министерство экономики, торговли и промышленности инициирует обсуждение юридических вопросов, касающихся признания за ИИ юридической ответственности.

Во второй главе документа дается достаточно интересная трактовка ИИ, под которым понимается цифровая технология, составные элементы которой могут быть материальными частями или устройствами (датчики, исполнительные механизмы, аппаратное обеспечение), различными программными компонентами и приложениями, или же «самими данными». Механизм, состоящий из перечисленных элементов, выполняет функции передачи данных. Заметим, что это определение, пожалуй, единственное, которое нам удалось выявить в ходе анализа наиболее значимых нормативно-правовых актов, изданных в ЕС. Более того, такая трактовка существенно отличается от российского понимания, предполагающего автономность ИИ от волеизъявления человека. Вообще, рассматриваемый нами документ по своей структуре и методу изложения ключевых положений существенно отличается от российских правовых источников. Так, например, по всему тексту документа речь идет об ИИ и иных видах цифровых технологий, причем нередко эти понятия подменяют друг друга. И только лишь в заключительной части законодатель вкратце объясняет разницу между ИИ и интернетом вещей.

Думается, что нельзя не уделить внимание планированию в цифровой сфере, несмотря на то, что нормотворчество в сфере прогнозирования, программирования и целеполагания не является отличительной чертой европейской правовой традиции. Как следствие, в отличие от российской правовой системы, в правовом поле ЕС не получило широкое распространение понятие

---

²Artificial Intelligence for Europe. Communication from the Commission to the European parliament, the European council, the council, the European economic and social committee and the Committee of the regions. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2018:237:FIN> (accessed: 30.04.2025).

стратегия. Напомним, что в июне 2014 г. в России был принят ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который закрепил статус целого ряда подобного рода документов на федеральном и региональном уровнях.

Точно так же, как и в России, в ЕС периодически принимаются документы стратегического отраслевого планирования, в которых перечисляются задачи и реализуемые в целях их выполнения мероприятия. Цифровая отрасль не стала исключением. Одним из последних подобных нормативно-правовых актов стал Coordinated Plan on Artificial Intelligence 2021 Review («План по координированию деятельности в отношении искусственного интеллекта на 2021 г.»), утвержденный в апреле того же года³. В документе обозначены задачи:

- повышение инвестиционной привлекательности проектов, в которых применяется ИИ;
- согласование основных положений проводимой политики в отношении использования ИИ со всеми странами-участниками;
- ускорение в области инвестиционной деятельности в технологии, связанные с использованием ИИ.

Одна из наиболее дискутируемых законодательных инициатив — так называемый A European approach to artificial intelligence («Европейский подход к искусственному интеллекту», далее — Европейский подход), который утверждался поэтапно Еврокомиссией, начиная с 2021 г.⁴ Эту инициативу сложно назвать нормативно-правовым актом, так как она, во-первых, представляет собой совокупность трех отдельных согласованных и взаимодополняющих друг друга документов, во-вторых, не носит обязывающий характер для всех стран-членов ЕС.

В водной части инициативы говорится о том, что Европейский подход «основан на передовом опыте и доверии населения, он направлен на повышение исследовательского и промышленного потенциала Европы и обеспечение основных прав наших граждан»⁵. Предполагается, что Европейский подход поможет создать «устойчивую Европу, где люди и организации смогут пользоваться преимуществами искусственного интеллекта»⁶. Заметим, что обсуждение инициативы ведется и среди российских исследователей, что подтверждает его значимость в глазах специалистов⁷.

³ Coordinated plan on Artificial Intelligence 2021 Review. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/coordinated-plan-artificial-intelligence-2021-review> (дата обращения: 29.04.2025).

⁴ European approach to artificial intelligence // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (дата обращения: 29.04.2025).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Обзор проекта Регламента Европейского союза «О европейском подходе для искусственного интеллекта». URL: https://zakon.ru/blog/2021/10/27/obzorprojekta_reglamenta_evropejskogo_soyusa_o_evropejskom_podhode_dlya_iskusstvennogo_intellekta_re (дата обращения: 29.04.2025).

Первый документ носит название *Communication on fostering a european approach to artificial intelligence* («Программа стимулирования Европейского подхода к искусственному интеллекту», далее — Программа), он вводит в практический оборот ряд терминов, которые носят более декларативный характер и уже широко используются европейскими аналитиками. Например, достаточно часто встречается такое понятие как «цифровое десятилетие» (*digital decade*), которое подразумевает период «активного внедрения инноваций в жизнь европейского общества». При этом в Программе подчеркивается направленность подобных инноваций для поддержки среднего и малого бизнеса. В документе также достаточно часто фигурирует так называемый «механизм восстановления и жизнестойкости» (*recovery and resilience facility*) в отношении пользователей ИИ. Термин включает в себя меры поддержки населения ЕС и субъектов предпринимательской деятельности в целях более эффективного освоения цифровых технологий, прежде всего ИИ. Так называемая «белая книга» (*white paper*), как предполагается, будет содержать в себе передовые и наиболее востребованные в европейском обществе предложения по реформированию законодательства, регулирующего отношения в сфере применения ИИ, интернета вещей и робототехники.

Во втором документе, именуемом *Coordinated plan on artificial intelligence 2021 review* («Обзор скоординированного плана по искусственному интеллекту на 2021 год», далее — Обзор), речь идет уже о более конкретных направлениях, в рамках которых, как предполагается, будут реализованы соответствующие мероприятия. Документ, занимающий по праву центральное место в рассматриваемой нами инициативе, состоит из четырех глав:

- создание благоприятных условий для применения ИИ в практической сфере;
- обеспечение эффективности производства ИИ «от лаборатории до рынка»;
- ИИ как залог повышения уровня жизни;
- ИИ в борьбе за лидерство в сфере освоении новых цифровых инноваций.

В Обзор включен самый широкий спектр направлений для более эффективного применения цифровых технологий, например, такие, как охрана окружающей среды и рациональное природопользование, здравоохранение населения, государственное управление, миграция и защита прав беженцев. Думается, что некоторые сферы, такие, как, например, поддержка занятости и регулирование мобильности трудоспособного населения, могут быть стать предметом изучения и российских специалистов.

И, наконец, третий документ — это *Proposal for a regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence* («Предложения к регламенту, устанавливающему согласованные правила в отношении искусственного интеллекта», далее — Предложения), ключевым положением которого является идея минимизации рисков, возникающих в ходе применения ИИ. «Предложения

направлены на устранение рисков, связанных с конкретным использованием искусственного интеллекта, классифицируя их по четырем различным уровням: неприемлемый риск, высокий риск, ограниченный риск и минимальный риск» — именно так говорится в преамбуле документа⁸. По значимости данный документ вполне сопоставим с рассмотренной выше российской Концепцией.

Документ состоит из двух глав. В первой главе излагаются сами предложения, во второй — содержатся многочисленные отсылаемые приложения. Предложения оформлены примерно в том же формате, что и российские законы. Всего в Предложениях 12 глав, 85 статей, включающих многочисленные части и пункты. Мы рассмотрим только, как нам видится, наиболее значимые главы, которые могут представлять для российского исследователя наибольший интерес.

Первая глава посвящена общим положениям, в ней изложены цели Предложений и дана трактовка некоторых правовых категорий. Вторая глава описывает сферы деятельности, в рамках которых предлагается запретить использование ИИ. Так, например, такой сферой являются попытки воздействия с помощью ИИ на сознание человека, в результате которых «могут быть зафиксированы непроизвольные изменения его поведения». Также под запрет, как предполагается, попадет деятельность различных участников правоотношений, включая органы публичной власти, направленная на «оценку надежности» граждан, определения сценария их поведения в определенных ситуациях. В целом, положения данной главы, как видится, направлены на защиту интересов и прав граждан, а также на предотвращение утечки конфиденциальной информации. Третья глава, «Системы искусственного интеллекта с высоким уровнем риска», является, пожалуй, ключевой в Предложениях, так как именно в ней рассматриваются те виды ИИ, которые европейский законодатель причисляет к группе с высоким уровнем риска. В приложении к рассматриваемому нами документу дан полный перечень таких цифровых технологий. Так, например, в сфере образования к запрещенным могут быть отнесены те инновации, которые влияют на «доступ физических лиц к образовательным учреждениям», а в области миграционной политики — «системы искусственного интеллекта, предназначенные для использования компетентными государственными органами в качестве детекторов лжи, а также инструменты определения эмоционального состояния физического лица». Предложения предполагают особый режим контроля за использованием подобных видов ИИ и ужесточение юридической ответственности в случае нарушения законодательства. Также особый интерес для российских исследователей и законодателей может представлять глава пятая, именуемая «Меры

---

⁸Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence // EC. 21.04.2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence> (accessed: 30.04.2025).

поддержки инноваций», в которой особое внимание уделяется вопросу поддержки малого и среднего бизнеса. Помимо этого, в документе четко обозначены те направления, которые будут считаться приоритетными для органов публичной власти в целях создания наиболее благоприятных условий для применения ИИ. К подобным направлениям законодатель отнес предупреждение, выявление и расследование правонарушений, сферу здравоохранения и экологическую безопасность.

Детальный анализ основных нормативно-правовых актов, принятых в ЕС, продемонстрировал, что ключевой идеей в нормотворческом процессе является стремление органов публичной власти, с одной стороны, добиться максимального доверия у пользователя, с другой — обеспечить себе лидерство сфере внедрения ИИ в повседневную жизнь человека. И достаточно убедительны наши европейские партнеры, констатирующие, что «Европейская комиссия пытается найти необходимый баланс между поддержкой инноваций населением и обеспечением того, чтобы искусственный интеллект приносил пользу более чем 500 миллионам жителей ЕС. Если подготовленные предложения будут приняты, то Европа может оторваться от США и Китая, которые еще не предпринимают все необходимые шаги в деле регулирования применения этой цифровой технологии» [2].

Итак, как видно из вышеизложенного, в ЕС единый и целостный нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы применения ИИ, еще не принят [3–10]. Мы рассмотрели основные нормативно-правовые акты и инициативы, а именно:

- «Искусственный интеллект в Европе»;
- «План по координированию деятельности в отношении искусственного интеллекта на 2021 г.»;
- «Европейский подход к профессиональному интеллекту».

На наш взгляд, в числе этих документов центральное место занимают «Предложения к регламенту, устанавливающему согласованные правила в отношении искусственного интеллекта», которые являются составной частью рассмотренного нами Европейского подхода. Полагаем, что ряд положений Европейского подхода может представлять интерес для российского исследователя.

Сравнительный анализ

Сравнительный анализ нормативно-правовых актов, принятых в обеих правовых системах на момент проведения данного исследования, позволяет сделать определенные выводы, которые мы изложим в следующем порядке. В начале обозначим положения, свидетельствующие о схожести подходов российского и европейского законодателей, а затем — демонстрирующие существенные расхождения в вопросе регламентирования использования ИИ.

Ключевыми из положений первой группы, думается, можно назвать следующие:

- к моменту подготовки нашего материала к публикации ни в РФ, ни в ЕС не было принято всеобъемлющего, единого закона, регламентирующего применение ИИ. Данное обстоятельство, на наш взгляд, вызвано тем, что в академическом сообществе России и европейских стран пока еще не выработалось однозначное понимание рассматриваемого нами вида СЦТ. Разнотечение и отсутствие четкости в трактовке ИИ — основная и крайне трудноразрешимая задача современной юриспруденции;

- и в РФ, и в странах ЕС примерно одинаково складывается правовое поле, в рамках которого предполагается оформить регламентирование применения ИИ. Инициатором этого процесса являются органы публичной власти, а не представители гражданского общества. Дело в том, что процесс децентрализации, представляющий собой концептуальное ядро новой реальности, сопряжен с рисками для государственного устройства в наибольшей степени. Вследствие этого, в формирующемся цифровом праве более проработан административно-правовой механизм регламентирования подобного рода отношений с присущим ему императивным методом построения правоотношений.

К существенным различиям, на наш взгляд, можно отнести следующие положения:

- в российском законодательстве наблюдается более четкое и однозначное понимание СЦТ, в т.ч. и ИИ. Так, например, в документе «Искусственный интеллект в Европе» наблюдаются разнотечения в трактовании таких терминов как *искусственный интеллект, интернет вещей и робототехника*, их употребление в качестве синонимов, или, наоборот, их противопоставление. При этом, как нам видится, понимание ИИ российскими органами власти можно охарактеризовать несколько более прогрессивным, апеллирующим к невозможности управляемости ИИ человеком. Думается, что подобный крайне прогрессивный, или, по-другому говоря, опережающий время подход может быть пересмотрен, чтобы создать для российского академического сообщества и законодателя более комфортную атмосферу в нормотворческом процессе;

- в российском правовом поле категория «искусственный интеллект» более четко и последовательно звучит в контексте с поступательным социально-экономическим развитием страны [11; 12], в то время как в ЕС акцент смешен в пользу защиты прав пользователя и определения границ его ответственности;

- деятельность органов публичной власти в сфере продвижения надлежащего применения ИИ более продуманна, структурирована и сбалансирована. Законотворческая и правоприменительная практика ЕС демонстрирует тот факт, что в органах управления отсутствует четкое видение той линии, которая в ближайшей перспективе будет определять не только специфику использования цифровых достижений, но и саму архитектуру общеевропейской безопасности в виртуальном мире. Вероятно, данное обстоятельство предопределено тем, что европейская интеграция не предполагает централи-

зованного подхода в решении подобного рода правовых задач. Еще одна причина может заключаться в том, что вопросы целеполагания, планирования и прогнозирования в европейской правовой традиции не нашли должного регламентирования;

- в отличие от российского законодательства, в законотворческом процессе ЕС более четко звучит идея апеллирования к так называемым неюридическим нормам, оформляющимся за рамками основных источников права. Особое место при этом занимают нормы морали и эффект доверия населения цифровым инновациям.

Заключение

Российская Федерация и Европейский Союз примерно одновременно приступили к реализации идеи о необходимости регламентирования использования ИИ нормами права. Законотворческий процесс в обеих правовых системах имеет немало общего. Например, на момент подготовки данного материала к публикации ни в России, ни в Европе не был принят единый нормативно-правовой акт исключительно по рассматриваемому нами виду СЦТ. Более того, пока еще не оформлено четкое понимание ИИ. Есть также и различия, о которых было сказано выше. По всей видимости, работа специалистов и законодателей в этой сфере в ближайшей перспективе будет и продолжена в формате утверждения стратегий, подходов, планов и инициатив. Вероятно, что институциализация ИИ в правовой системе России и ЕС — дело не ближайшего времени.

В качестве некоего знаменателя под проведенное нами исследование хочется сказать о том, что развитие мира цифровых трансформаций, как выясняется, в определенном смысле непредсказуемо. Как бы это символично не звучало, но именно ИИ, как выясняется, и является некой квинтэссенцией этой неопределенности. Более того, академическому сообществу и законодателю необходимо четко и однозначно понимать, что ИИ — это также и разрушительная технология с весьма широким спектром воздействий. В сложившейся ситуации возникают вопросы о том, насколько оправданно интенсивное внедрение современных СЦТ и как будет в дальнейшем строиться диалог между миром социальным и миром техническим, между государством и гражданским обществом. Для того, чтобы ответить на подобные вопросы назревает необходимость пересмотра концепции юриспруденции как науки и самого права как сугубо социального феномена. По всей видимости, право стоит на пороге своего реформирования, в результате которого произойдет сдвиг в сторону несколько иного понимания нормы права. Возможно, что будет пересмотрена и сама концепция источника права и нормативно-правового акта. Безусловно, в столь стремительно меняющемся мире зарубежный опыт должен представлять большой интерес для российских исследователей и законодателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов Е.Н., Поступов С.В., Нуриев Б.Д. К вопросу о влиянии цифровых трансформаций на регулирование международной электронной коммерции // Дискуссия. 2021. № 4 (107). С. 21–28. EDN: SGAAYB
2. Kaur D. What is Europe's proposed AI law all about // THQ. 22.04.2021. URL: <https://techhq.com/2021/04/what-is-europe-s-proposed-artificial-intelligence-law-all-about/> (дата обращения: 29.04.2025).
3. Гнездова Ю.В. Мировые тенденции развития цифровых технологий // Экономический журнал. 2018. № 2. С. 95–102. EDN: VMURRK
4. Смирнов Е.Н., Поступов С.В., Нуриев Б.Д. Институт цифровых атташе в системе поддержки экспорта цифровых технологий на примере больших данных и законодательства Европейского союза // E-Management. 2022. Т. 5. № 1. С. 43–51. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-1-43-51> EDN: BXTCQJ
5. Кульназарова А.В. Цифровая трансформация публичных коммуникаций. Российский и европейский опыт. СПб. : СПбГУТ, 2021. 135 с.
6. Умнова-Конюхова И.А. Цифровое развитие и права человека. М. : ИНИОН, 2021. 173 с.
7. Савинов Ю.А., Тарановская Е.В. Искусственный интеллект в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 4. С. 58–71. <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2020-00037> EDN: SBRYHC
8. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109> EDN: YVXKVA
9. Khisamova Z.I., Begishev I.R., Gaifutdinov R.R. On methods to legal regulation of artificial intelligence in the world // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE). 2019. Vol. 9. P. 5159–5162.
10. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юр. наук. М. : Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности, 2018. 420 с.
11. Каруцкая А.А. Гражданечно-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юр. наук. М. : Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2019. 384 с.
12. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 2. С. 19. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(2\).19](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(2).19) EDN: PECVMS

Информация об авторе:

Нуриев Булат Дамирович — кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления, Россия, 109542, Москва, Рязанский проспект, д. 99 (ORCID: 0000-0001-8434-2419) (SPIN-код: 5615-0500) (e-mail: nurievbd@mail.ru).